

Из дневника Н.В. Брусиловой

Жена видного русского полководца А.А. Брусилова Надежда Владимировна Брусилова-Желиховская (1864-1938) оставила обширные воспоминания и дневники, относящиеся как к дореволюционному, так и к советскому времени.

Публикуемая ниже глава из дневника Н.В. Брусиловой относится к августу 1925 года и полностью посвящена герою гражданской войны Г.И. Котовскому. Надежда Владимировна подробно рассказывает о том, как благодаря ее помощи в 1916 году был помилован Г.И. Котовский.

Действительно, в октябре 1916 года Григорий Иванович Котовский был приговорен Одесским военно-окружным судом к смертной казни через повешение за вооруженные нападения на помещиков и представителей администрации. Приговор суда должен был утверждать главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов. И тогда Котовский обратился с письмом о заступничестве к находившейся в то время в Одессе Н.В. Брусиловой. Надежда Владимировна сразу же пересылает письмо Г.И. Котовского мужу и просит помиловать осужденного.

18 октября 1916 года генерал Брусилов своей властью заменил Котовскому смертную казнь каторжными работами.

В ЦГВИА СССР в коллекции военно-судных дел периода первой мировой войны обнаружено письмо Г.И. Котовского к Н.В. Брусиловой, а также ее письма мужу, связанные с помилованием Г.И. Котовского.

Учитывая большой интерес читателей к личности А.А. Брусилова и его окружению, мы публикуем эти письма.

Глава III Август 1925 года

В газетах от 6 августа были напечатаны телеграммы из Одессы о том, что командир 20-го кавалерийского корпуса Г.И. Котовский предательски убит, и приказ, как всегда, с большим пафосом и неправильными сведениями по этому поводу от Революционного Военного Совета СССР. Для исторической правды хочу добавить несколько слов. Убит он был будто бы из-за женщины, такая молва идет с юга, но это подробность, не имеющая большого значения. Человек он был действительно незаурядный, храбрости у него отнять никто не может, но чтобы это был идейный политический боец, это суший вздор. Политика, революционность и борьба за меньшую братию и тем более коммунизм — эти ярлычки были приклеены ему го-

раздо позднее¹. А в действительности в прежнее время он был форменный разбойник, грабитель в Бессарабии, это все знали, и судился за грабежи, и преследовался правосудием за разбой. Он говорил мне и даже писал, что награбленным делился иногда не только со своей шайкой, но и с подвернувшейся беднотой, но насколько это верно, я судить не могу, хотя возможность этого вполне допускаю. Это был человек типа пушкинского Дубровского, не лишенный симпатичных сторон. По его словам, он был сын артиллерийского офицера в Бессарабии и с самых ранних лет не хотел систематично учиться, не хотел жить в городе, принадлежать своей семье, его тянули леса и поля, большие дороги, жизнь бродяги и впечатления воли и буйного ветра в степи. Живя в Одессе, я много слышала о нем, и мне он казался удалым молодчиной. Когда однажды в обществе я услышала в разговоре военных юристов, что Котовский опять попался и на этот раз "мы его держим крепко", у меня невольно вырвались слова: "А я буду очень рада, если он опять ударет". Мужчины засмеялись, а дамы были весьма шокированы и укоризненно на меня посмотрели.

Прошло несколько лет. Во время германской войны он сидел в одесской тюрьме, его судили, и, читая газеты, я видела, что на этот раз дело его действительно плохо. Он был приговорен к смертной казни через повешение.

В то время А. А. [Брусилов] был главнокомандующим Ю[го]-З[ападным фронтом], [и] ему подчинены были двенадцать губерний. Я жила во дворце на бульваре и играла большую роль во всевозможных тыловых делах. Работы у меня (и по благотворительности, и по снабжению войск подарками и медикаментами, и санитарные поезда-бани, лазареты, госпиталя и приюты для детей и беженцев) было бесконечно много*. У меня было три секретаря, и несмотря на это, приходилось работать иногда целыми ночами. Как-то раз около полуночи я сидела за своим письменным сто-

¹ В автобиографии, датированной 1920 г., Котовский писал: "Ведь я с первого момента моей сознательной жизни, не имея еще тогда никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще революционерах, был стихийным коммунистом... Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплуатируемого бедняка, рабочего и крестьянина — отсюда моя активная месть к богачам сегодня и моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба и насилем и террором отбирал от богача эксплуататора ценности, которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства создавал своим трудом... И не зная партии, уже был большевиком" (Г.И. Котовский. Документы и материалы. — Кишинев: Молдавия, 1956. — С. 8). — **Прим. Н.М. Шабанова.**

* В то время кроме моих прежних дел "братской и повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям" на мне лежали все дела склада государины императрицы Александры Федоровны на Юго-Западном фронте. Я получала 60 тыс. рублей в месяц на это дело, и ответственность эта была мучительна. — **Прим. Н.В. Брусиловой.**

лом, когда вошедшая горничная подала мне письмо со словами: "Это принес какой-то мальчишка из тюрьмы. Швейцар и дворники его гнали, а я гуляла с собачатами и согласилась взять письмо: уж очень он просил. Жизнь человека, говорит, от этого зависит".

— Хорошо сделали, что взяли письмо, — одобрила я ее.

Это письмо было от Котовского, длинное, обстоятельное, красноречивое. Я очень сожалею, что не сохранила хотя бы копии с него. Но минуты были сочтены, наутро его могли повесить. Он уже несколько дней тому назад написал мне это письмо, но его до меня не допускали. Он клялся, что лично никогда никого не убивал, а только дирижировал своей шайкой. Но ведь это то же самое. Кроме того, он умолял меня просить моего мужа помиловать его, отправить на фронт в самые опасные места, что он с радостью погибнет за Родину в бою с немцами, что в крайнем случае он умоляет его расстрелять, но не вешать, как собаку, что он сын офицера, и такая позорная смерть для него ужасна.

Я читала это письмо и с жутким чувством сознавала, что в первый раз в жизни у меня в руках жизнь и смерть человека. Это была большая ответственность перед Богом, и мне очень жаль, что это письмо не сохранилось у меня, оно было приложено к делам военного прокурора на Юго-Западном фронте (С.А. Батога)². Думать не было времени, нужно было действовать. Я перекрестилась и стала звонить в телефон генерал-губернатору Эбелову³, градоначальнику Сосновскому, Одесскому военному прокуро-

² Генерал-лейтенант С.А. Батог родился в 1863 г. состоял на военной службе по военно-судному ведомству. Занимал должности: 1894-1902 гг. — помощник военного прокурора Одесского военно-окружного суда; 1902-1907 гг. — военный следователь Одесского военного округа; 1908-1912 гг. — военный судья Одесского военно-окружного суда; 1912-1915 гг. — военный прокурор Киевского военно-окружного суда; 1916-1917 гг. — заведующий военно-судной частью штаба армий Юго-Западного фронта. (ЦГВИА СССР, ф. 409, оп. 1, послужной список № 6801 на 1907 г.; Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. — Петроград, 1914. — С. 490; Список генералам по старшинству. Составлен по 10 июля 1916 г. — Петроград, 1916. — С. 59.)

³ Генерал от инфантерии М.И. Эбелов — родился в 1855 г. Состоял на службе с 1873 года. В 1885-1886 гг. — старший адъютант штаба пехотной дивизии, затем старший адъютант штаба 6-го армейского корпуса. В 1887-1890 гг. — начальник строевого отделения штаба Брест-Литовской крепости. В 1890-1902 гг. — заведующий передвижением войск Варшавского района, затем начальник военных сообщений Варшавского, Приамурского, Кавказского военных округов, в 1902-1906 гг. — начальник штаба 20-го армейского корпуса, в 1906-1909 гг. — военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска, в 1909-1911 гг. — начальник 34-й пехотной дивизии, в 1911-1913 гг. — помощник командующего войсками Иркутского, затем Одесского военных округов, с 1914 года — главный начальник Одесского военного округа. С августа 1917 года — в резерве чинов Одесского военного округа. (Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. — Петроград, 1914. — С. 148; ЦГВИА СССР, ф. 409, оп. 1, послужной список № 57-826 на 1916 г.; Список Генерального штаба. — Петроград, 1917. С. 8.)

ру (на вспомню теперь его фамилии)⁴. Я умоляла задержать казнь Котовскому, дать мне возможность списаться с мужем. Надо мной смеялись, даже возмущенно говорили: "Охота Вам беспокоить Алексея Алексеевича, на рассвете вздернут эту собаку Котовского и баста..."

— Я удивляюсь вам всем, какие вы христиане. Мне тошно подумать, что человека "вздернут", по вашему выражению, — возражала я.

Наконец мне все же удалось уговорить отложить казнь Котовского на несколько дней. Я облегченно вздохнула и стала писать письмо мужу. Едва я его кончила, как в комнату вошла опять моя горничная.

— Тут жандарм едет курьером в штаб генерала. Очень боится опоздать на поезд, спешит. Но говорит, что, как обещал раз и навсегда генералыше, никак не может уехать с бумагами в штаб, не заглянув к Вам.

— Зовите его скорее сюда. (Господи! Я положительно увидела з этом совпадении руку Провидения.)

Вошел мой усатый приятель, звякнул шпорами.

— Не прикажете ли чего передать Его Высокопревосходительству или братцу господину полковнику?⁵ Если что готово, а то мне до поезда полчаса осталось.

— Готово, готово, милый мой, спасибо, что зашли, вот мы спасем с Вами жизнь человеку, Господом дарованную, а мы не имеем права ее отнимать, — говорила я, безумно торопясь положить письмо в конверт, всунув гуда же письмо Котовского. Руки у меня дрожали и голос тоже, и мой приятель унтер-офицер, вероятно, не все понял, что я бормотала, и был немало удивлен.

— Отдайте в руки генералу, как только приедете, скажите Григорию, чтобы доложил о вас ему, это очень важно, и что я приказала как можно скорей в руки передать генералу.

— Слушаюсь, будет исполнено, не сумлевайтесь, Ваше Высокопревосходительство.

И вот на другой же день к вечеру мне стало известно, что Алексей

⁴ Военным прокурором Одесского военно-окружного суда был в это время генерал-майор И.П. Огонь-Догановский. Родился в 1864 г. Состоял на службе по военно-судному ведомству, в 1892-1895 гг. — кандидат на военно-судную должность при военном прокуроре Одесского военно-окружного суда, в 1896-1901 гг. — помощник военного прокурора Киевского военно-окружного суда, в 1902-1907 гг. — военный следователь Киевского военного округа, в 1908-1915 гг. — военный судья, в 1916-1917 гг. — военный прокурор Одесского военно-окружного суда. (Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. — Петроград, 1914. — С. 529; Список генералам по старшинству. Составлен по 10 июля 1916 г. — Петроград, 1918. — С. 73.)

⁵ Имеется в виду Р.Н. Яхонтов.

Алексеевич говорил по прямому телеграфному проводу с Одесским штабом и что он совсем отменил смертную казнь Котовскому и заменил ее каторжными работами. Спасибо Алексею Алексеевичу, он избавил меня от тяжелого впечатления казни человека, кто бы он ни был.

Тут вскоре разыгралась Февральская революция, и смута душевная все усиливалась. В городе было неспокойно. Уголовная и политическая тюрьма разбежалась. Котовский мне просил передать, чтобы я была спокойна, что он пользуется таким авторитетом среди разбежавшихся, что соберет их всех обратно и водворит порядок, что он и выполнил. Я была ему крайне благодарна, так как по городу ходили чудовищные слухи. Жители боялись вечером выходить на улицу, грабежи участились и т. д., и т. д.

Дня через два, в то время, когда у меня в залах было много дам и барышень, моих помощниц по делам благотворительности, мне позвонил журналист Горелик. Это был очень симпатичный еврей, газетный работник, и я много раз имела с ним дело. Он по телефону просил меня принять его вместе с Котовским. Я отвечала согласием.⁶

Мои девицы и дамы — врассыпную, визжат и охают.

— Как Вы не боитесь, Надежда Владимировна, ведь он разбойник...

— Ну да, конечно, он сейчас ворвется и всех нас перестреляет, — трунила я над ними. Минут через двадцать швейцар докладывает лакею, тот мне, и появляется Горелик в обществе совершенно бритого человека с умным энергичным лицом.

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас, позвольте поцеловать ручку, которая даровала мне жизнь.

Я, в свою очередь, поблагодарила его за энергичную помощь властям в тюрьме в борьбе с уголовными преступниками. Мы обменялись еще несколькими словами. В тот день как раз были телеграммы о том, что вызванный было в армию с Кавказа великий князь Николай Николаевич установлен на пути⁷, что Временное правительство передумало и отклонило

⁶ Встреча с Г.И. Котовским произошла 13 марта 1917 г. В этот день Н.В. Брусилова писала мужу: "Дорогой мой, жду сейчас Котовского, разбойника бессарабского, который пожелал "поцеловать мне руку за то, что я ему жизнь даровала". (ЦГВИА СССР, ф 162, оп. 1, д. 16, л. 126.)

⁷ Великий князь Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим 2 марта 1917 г. До этого командовал войсками Кавказского фронта. 10 марта 1917 г. он прибыл в Ставку в Могилев, а на следующий день отдал приказ, где говорилось: "Письмом от 9 сего марта министр-председатель князь Львов уведомил меня, что при создавшемся положении Временное правительство считает неизбежным оставление мною поста Верховного главнокомандующего как члена дома Романовых... Предписываю во временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего вступить генералу от инфантерии Алексееву". (ЦГВИА СССР, библиотека, инв. № 16325, с. 2.)

свое решение. Это, конечно, было сделано по распоряжению солдатских и рабочих депутатов, то есть по указанию большевиков. Но Котовский тогда их не знал, ничего общего с ними не имел, они позднее его к себе пристегнули.

Он тогда, увидев на моем столе большой портрет великого князя, заговорил об этом вопросе сам:

— Какую ошибку делает Временное правительство. Разве можно в то время, когда война не кончена, устранять от армии такого опытного, популярного, всеми в войсках любимого человека.

Это его подлинные слова. Что-то на большевика не похоже.⁸

Мы с ним простились, и вскоре, уехав из Одессы сначала в Каменец-Подольск, потом в Могилев, потом в Москву, я забыла о нем.

Налетел вихрь большевизма, арестов, расстрелов, горя, голода, холода... Как-то в 1918 году ко мне приезжал офицер, фамилию которого я забыла, с юга, привез мне из Одессы письма и рассказал, что в пути, на Украине, претерпел большую тревогу, был взят в плен какой-то шайкой бандитов, приговорен к расстрелу за то, что будто бы был у белых и пробирался в Москву как шпион. Это была неправда, он просто ехал к родным и вез письма друзьям и знакомым.

Но на эту банду налетел отряд Котовского, он сам выслушал его, пересмотрел его пакеты и, увидев на нескольких из них мое имя, вернул все ему и отпустил, сказав: "Кланяйтесь Алексею Алексеевичу и Надежде Владимировне, скажите, что Григорий Иванович Котовский всегда рад им служить".

Прошло еще несколько лет. Кажется, в 1922 или в 1923 году⁹ мы с мужем пошли в военный лазарет навестить больную родственницу Алексея Алексеевича, там лежавшую. В коридоре лазарета к нам вдруг подходит в халате, с рукой на перевязи какой-то человек. Раскланивается и говорит: "Вы меня не узнаете? Я бывший разбойник Котовский, вы даровали мне жизнь. Но теперь я команду дивизией в Красной Армии".

Мы с Алексеем Алексеевичем спросили его об его здоровье и раненной руке. Он сказал, что поправляется и что скоро вернется к своей дивизии,

⁸ С августа 1917 г. Г.И. Котовский служил рядовым в 136-м пехотном Таганрогском полку, был членом полкового солдатского комитета, в ЦГВИА СССР хранятся протоколы заседаний полкового комитета 136-го Таганрогского полка за октябрь 1917 года, из содержания которых следует, что Г.И. Котовский в то время был близок к эсерам. (ЦГВИА СССР, ф. 2126, оп. 5. д. 32, л. 1.)

⁹ Встреча Брусиловых с Г.И. Котовским произошла не в 1922-23 гг., как пишет Н.В. Брусилова, а летом 1921 года, когда Котовский лечился после ранения в госпитале в Москве на Арбате в Серебряном переулке.

и что жизнь в боях и всевозможных происшествиях его крайне удовлетворяет, и что только теперь жизнь его полна и осмысленна. Еще и еще раз заверял нас в своей преданности и благодарности... И больше я его не видела.

А теперь бедняга погиб. Нашла коса на камень. Сложил свою буйную головушку совершенно неожиданно. Карма. Возмездие по-индусски — карма**.

Но повторяю, ни большевиком, ни тем более коммунистом он никогда не был.

Впоследствии мы много слышали, какую хорошую роль он сыграл относительно офицеров, юнкеров и кадетов в 1920 году во время их бегства из Одессы в Бессарабию. Румыны их обстреливали и гнали назад, и многие из тех, кто попадал к Котовскому, благословляли его. Он их устраивал в имениях, на хуторах, принимал в свою армию и обращался с ними по-человечески. Я это слышала от самих потерпевших беглецов.

Человек соткан из противоречий.

**ЦГАОР СССР, ф. 5972. оп. 1, д. 21а. л. 52-57.
Машинописная копия с правкой Н.В. Брусиловой**

* * *

Письмо Г.И. Котовского Н.В. Брусиловой

8 октября 1916 года

Ваше Высокопревосходительство!

Коленопреклонно умоляю Вас прочесть до конца настоящее письмо. Приговором Одесского военно-окружного суда от 4-го числа сего октября я приговорен к смертной казни через повешение¹⁰ за два совершенных мною разбойных нападения, без физического насилия, пролития крови и убийства. Приговор этот подлежит конфирмации Его Высокопревосходительства господина главнокомандующего армиями Юго-Западного

** Перевод не совсем точный. Карма — одно из основных понятий индийской религии (индуизма, буддизма, джайнизма) и философии, дополняющее понятие сансары, в широком смысле — общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющая характер его нового рождения, перевоплощения.

В узком смысле — влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования. (Советский энциклопедический словарь. Изд. второе. — М.: Советская Энциклопедия. 1987. — С. 549.)

¹⁰ Отдельные места письма подчеркнуты Н.В. Брусиловой.

фронта. Ваше Высокопревосходительство! Сознавая всю степень виновности своей перед Отечеством и обществом за совершенные преступления, принеся публично в суде полную повинную за них и полное искреннее и чистосердечное раскаяние и признавая справедливость вынесенного мне судом приговора, я все-таки решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с мольбой о высоком и великодушном заступничестве пред господином главнокомандующим — Вашим высоким супругом — о смягчении моей участи и о даровании мне жизни. Я решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с этой мольбой только в силу следующего: ступив на путь преступления в силу несчастно сложившейся своей жизни, но, обладая душой мягкой, доброй и гуманной, способной также на высшие и лучшие побуждения человеческой души, я, совершая преступления, никогда не произвел ни над кем физического насилия, не пролил ни одной капли крови, не совершил ни одного убийства. Я высоко ценил человеческую жизнь и с любовью относился к ней, как к высшему благу, данному человеку Богом. Был случай здесь, в Одессе, когда я выстрелил в своего соучастника по преступлению, позволившего себе произвести выстрел в хозяев дома, где мы находились, и этим выстрелом, ранив его в руку, выбил ему из рук оружие. К женщине и по чести я относился всегда как к святыне, и женщины при совершении мною преступлений были неприкосновенны. Производя психическое насилие, я и здесь старался, чтобы оно было наименее ощутительно и не оставляло после себя следа. Материальные средства, добытые преступным путем, я отдавал на раненых, на нужды войны, пострадавшим от войны и бедным людям. Преступления я совершал, не будучи в душе преступником, не имея в душе ни одного из элементов, характерных преступной натуре. Был случай в Кишиневе, когда, явившись в дом богатых коммерсантов с целью совершить преступление, мы застали там одних только женщин; увидев их испуг, я вывел в другие комнаты своих соучастников, потом, вернувшись, успокоил хозяек дома и ушел, не взяв ничего, несмотря на то, что в кассе хранилась крупная сумма денег, причем прибегнул к обману, заявив своим соучастникам, что открывал кассу и там ничего не оказалось. И вот теперь, поставленный своими преступлениями перед лицом позорной смерти, потрясенный сознанием, что, уходя из этой жизни, оставляю после себя такой ужасный нравственный багаж, такую позорную память, и, испытывая страстную, жгучую потребность и жажду исправить и загладить содеянное зло и черная нравственную силу для нового возрождения и исправления в этой потребности и жажде души, чувствуя

в себе силы, которые помогут мне снова возродиться и стать снова в полном и абсолютном смысле честным человеком и полезным для своего Великого Отечества, которое я так всегда горячо, страстно и беззаветно любил, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и коленопреклоненно умоляю — заступитесь за меня и спасите мне жизнь, и это Ваше заступничество и милость будут до самой последней минуты моей жизни гореть ярким светом в моей душе, и будет этот свет руководящим, главным принципом всей моей последующей жизни. Я желал бы, чтобы Вы, Ваше Высокопревосходительство, могли бы заглянуть в душу писавшего это письмо, во все ее тайники, и Вы тогда увидели бы пред собой не злодея, не прирожденного и профессионального преступника, а случайно павшего человека, который, сознав свою виновность, с душой, переполненной тоской и непередаваемыми переживаниями от угрызений совести, пишет Вам эти строки мольбы.

Всы увидели бы пред собой не аморального, отказавшегося от всех моральных ценностей, на которых основана жизнь культурного и честного человека, преступника, а человека, не выдержавшего жестоких ударов суровой жизни и павшего под ними, но не погибшего душой, и верьте, Ваше Высокопревосходительство, что Вам не придется раскаиваться за свое высокое заступничество за меня, я сумею быть достойным его и, нося Ваш светлый, благородный и великодушный образ в своей душе, создам из своей жизни по своей честности, бескорыстности и облагораживающего человеческую душу труда высокий образец человеческого существования.

Если же Вы, Ваше Высокопревосходительство, не найдете возможным ходатайствовать перед господином главнокомандующим, Вашим высоким супругом, о даровании мне жизни, то как потомок военных, дед которого, полковник артиллерии, сражался и проливал кровь за Отечество, умоляю как о высшей милости и чести ходатайства Вашего Высокопревосходительства пред Его Высокопревосходительством господином главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта о замене им смертной казни через повешение смертную казнь через расстрел. Я знаю, что как отверженный я лишен права чести умереть от благородной пули, но как потомок военных, как искренний и глубокий патриот, стремившийся попасть в ряды нашей героической армии, чтобы умереть смертью храбрых, смертью чести, но не имевший возможность это сделать в силу своего нелегального положения, умоляю об этой высшей милости, и последним моим возгласом при уходе из этой жизни будет возглас:

"Да здравствует армия!" Приговор о смертной казни с делом суда отосланы для конфирмации Его Высокопревосходительству 7-го числа октября 1916 года в 5 часов пополудни.

Коленопреклоненно умоляющий Ваше Высокопревосходительство Григорий Иванов Котовский.

Одесская тюрьма.

Октября 8-го дня 1916 года.¹¹

ЦГВИА, ф. 16142, оп. 2, д. 41, лл. 773-776 об.

Подлинник

Из писем Н.В. Брусиловой А.А. Брусилову

* * *

16 октября 1916 года

Дорогой мой, я позволяю себе телеграфировать об Котовском, так как никогда в жизни не была в таком тяжелом положении относительно жизни и смерти человека. Прочти это письмо или хоть подчеркнутые мною места. Начальник тюрьмы, председатель военного суда и очень много других лиц говорят мне, что он производит впечатление действительно кающегося человека. Так хоть замени виселицу расстрелом, если нельзя даровать жизнь, как он и просит. Но лучше всего совсем спаси человека.

...Может быть, можно отправить этого разбойника Котовского на фронт на суд Божий. Подумать только, как часто такие разбойники бывают честнее и благороднее всяких чинушек военных и штатских, обкрадывающих русское правительство и народ исподтишка...

* * *

Конец октября 1916 года

Милый мой, ты прости, что я такую суматоху подняла из-за приговора Котовского. Я не знаю, действительно ли он разбойник или идейный анархист, я не следила за процессом, у меня нет для этого времени. Но раз человек обратился ко мне, то уж ты устрой так, чтобы на моих руках крови не было. Бог все разберет. Иной разбойник лучше иного министра. Здесь все на меня рассердилось, что я задержала исполнение приговора военного суда на целые сутки, пока не довела до тебя всей этой истории. Я телеграфировала ночью прокурору и генерал-губернатору и градоначальнику.

¹¹ Одновременно Котовский обратился с прошением аналогичного содержания к генералу Брусилову. (ЦГВИА СССР, ф. 16142, оп. 2, д. 41, лл. 777-778.)

*чальнику, пока не добилась своего. И как удачно, что твой милый усатый жандарм заглянул ко мне прежде, чем на поезд, с экстренными бумагами из штаба. Я вижу в этом Божью волю. И вот жизнь человека спасена. Я даже не знала, что у тебя есть право совсем отменить смертную казнь, и только надеялась, что ты сможешь приказать пересмотреть дело вновь, все же он бы видел, что я сделала, что могла. Слава Богу, что так вышло. Спасибо тебе...*¹²

ЦГВИА, ф. 162. оп. 1, д. 16, лл. 96-97
Копия

Публикацию подготовил В.М. ШАБАНОВ,
старший научный сотрудник ЦГВИА СССР

¹² В биографической литературе о Г.И. Котовском содержатся далекие от истины описания обстоятельств его помилования. В книге А. Есауленко и романе Б. Четверикова говорится, что генерал А.А. Брусилов был якобы напуган ростом революционного движения в стране и поэтому помиловал Котовского. (Есауленко А. Легендарный комбриг. — Кишинев: Картя молдовеняскэ. 1967. — С. 37-38.)

Это не так. Например, в январе 1917 года Брусилов отклонил прошение о помиловании и утвердил смертный приговор группе солдат 223-го пехотного Одоевского полка, осужденных за участие в антивоенных выступлениях. 26 января 1917 года он телеграфировал в Ставку: "Необходимо для примера немедленно привести приговор в исполнение. Совершенно недопустимо никакое снисхождение". (ЦГВИА СССР, ф. 16142, оп. 2, д. 107, ч. 2, л. 1353.)